

О. Н. Трубачев

СЛАВЯНСКИЕ И БАЛТИЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Обращаясь к такой теме как с л а в я н с к и е и б а л т и й с к и е э т и м о л о г и и, исследователь чувствует себя обязанным дать некоторые разъяснения насчет того, как он понимает балто-славянские языковые отношения, как толкует факты близости балтийского и славянского языкового материала, какое место им отводит в общей картине этих отношений. Близость славянских и балтийских языков, конечно, велика и, как нам кажется, еще не полностью выявлена, если говорить только о задачах лексико-этимологической идентификации; правда, уже давно замечено, что между этими языками также много несходств и различий, видеть которые нам до известной степени мешает действительно впечатляющая масса накопившихся сходств. Изучение балто-славянских языковых (в частности — лексических) отношений закономерно приводит к концепции, которую можно кратко изложить в следующих словах: н е б у д у ч и о с о б о т е с н о с в я з а н ы н а ч и н а я с с а м о й р а н н е й п р а и н д о е в р о п е й с к о й э п о х и (ср. показательное отсутствие ряда общих балто-славянских архаизмов и заметные лакуны балто-славянских соответствий разной природы в культурно-исторически важных разделах словаря, охватывающих производственную лексику, социальные отношения и окружающий ландшафт), балтийские и славянские языки никогда не переживали стадии балто-славянского единства, но в ходе исторических передвижений сблизилась территориально и, развившись уже к этому моменту в совершенно оригинальные и самостоятельные диалектные группы, начали то длительное и необыкновенно плодотворное языковое взаимодействие, которое не прекращается и в наши дни.

Из сказанного следует, что мы близки к той концепции славяно-балтийских языковых отношений Я. Эндзелина, которая представлена в его «Славяно-балтийских этюдах». Теория балто-славянского единства может объяснить лишь часть фактов, известных нам, кроме того, она приводит к обеднению вероятной реальной картины отношений, как бы налагая запрет на положительное решение вопросов близости или общности, например, славянского

с латинским и, возможно, с другими членами индоевропейской семьи.

Иными словами, мы стремимся взглянуть на славянско-индоевропейские связи шире, рассматривая балто-славянские отношения как один из эпизодов (или аспектов) диалектных и ареальных связей внутри индоевропейского. Тема «Славянские и балтийские этимологии» не означает, таким образом, в нашем понимании исключительности этих связей, ее следует понимать лишь как рабочую постановку проблемы (в общем ряду таких как славянские и германские этимологии, славянские и латинские, славянские и иранские и т. п.). Изложенные выше мысли основываются на убеждении, что славянский (как, впрочем, и балтийский) представляет собой преобразованное продолжение своей оригинальной диалектной модели индоевропейского.

Хотелось бы подчеркнуть, что концепция балто-славянских языковых отношений не делается от этого менее плодотворной. Предстоит еще проделать огромную работу по изучению того, какие именно балтийские факты в состоянии прояснить темные элементы славянской лексики, слово- и формообразования и — наоборот. Ниже этимологизируются примеры того и другого рода, включая один случай заимствования-кальки.

Слав. **xlebb* 'затвор, запор, сточное отверстие'
~ балт. **sklemb-* 'скользить'

В церковнославянских памятниках русского извода встречается известное слово *хлабъ*, значения которого толкуются в литературе так: *хлабъ* 'водопад, стремнина': Бездѣна бездѣноу призы- ваеѣтъ и въ гла^ч *хлабши* твоихъ вса высоты твоѣ и вълны твоѣ по мнѣ преидоша (εις φωνήν τῶν καταρράχτων). Псалт. Симон. д. 1280 г. пс. XLl. 8. Ни Ниловъ *хлабши* оудръжати хытрость ка- каа же (οὐτε τοὺς Νεϊλφοὺς καταράχτας ἐπιχρεῖν μηχανή τις). Гр. Наз. XI в. 282. Аще *хлаби* с'творити Бг̃ (καταράχτας). Георг. Ам. (Увар.) л. 149; 'поток': *Хлаби* нбснѣца (οἱ καταρράχται τοῦ οὐρανοῦ). Быт. VII. 11 по сп. XIV в. . . В образных выражениях: Твои блжннии языкъ *хлабши* повелѣннїи истачаѣа, ѣретичьскоую лъсть крѣпко потаплагати (καταράχτας δογμάτων). Мин. 1097 г. л. 76. *Хлаби* ѿврѣзи глѣбинѣ словеснѣѣи. Мин. Пут. XI в. 35. Аще затвориши нбо, кто отврѣзетъ, и аще отврѣзеши *хлаби*, кто оудръжити (καταρράχτης). Гр. Наз. XI в. 314. И азъ ѿврѣзу вамъ *хлаби* нб^чнѣца. Пов. вр. л. 6576 г.¹ В словаре Даля приводится слово *хлябъ* ж. р. 'простор, пустота, глубь, глубина; пропасть, бездна, с понятием о подвижности жидкой среды, в коей она заключена'² и диал.

¹ Срезневский III, стлб. 1376.

² Даль² IV, стр. 554.

(зап.) *хляба* ж. р. 'дождь с мокрым снегом'. Второе из них — слово экспрессивное, звукоподражательное, как и соответствующий глагол *хлябать* 'качаться, шататься, стучать, брянчать, от неплотной пригонки вещи' (Даль), их форма и возникновение тесно связаны с близкими по употреблению словами *хлопать*, *ляпать* и к рассматриваемому нами здесь слову не относятся, как мы это постараемся далее показать. Собственно говоря, что касается современного русского языка, правильное будет сказать, что в нем нет слова *хлябь*, а есть лишь цельная образная цитата из церковнославянского текста Святого писания — *разверзлись (отверзлись) хляби небесные*. К ее значению и толкованию мы еще вернемся. Вообще слово, по-видимому, не является восточнославянским (укр. *хляби* 'отвір', приводимое у Г. Петерссона, ниже, нуждается в проверке). Западнославянские соответствия нам неизвестны (о семантических эквивалентах в польских библейских текстах мы еще будем говорить в дальнейшем). Из южнославянских сюда относятся ст.-слав. (др.-болг.) *χΛΑΒΑ καταρράχτης* (Синайская псалтырь и Супрасльская рукопись) и сербохорв. стар. *hľeb* ж. р., также *hľěr* м. р. 'cataracta', 'плотина, запруда, шлюз', 'водопад', *hleb* ж. р., с примером из псалтыри XVIII в.: *bezдно bezdna priziva u glasu hlebih tvojih*³.

Остается неясной народнодиалектная основа этой, по-видимому, первоначально южнославянской лексемы, поскольку перед нами — исключительно книжные случаи с библейской семантикой. Книжный характер, тем не менее, не мешает нам видеть здесь реальное слово древнего происхождения. Правда, круг значений как бы замкнут и задан библейской тематикой переводного греческого или латинского текста Ветхого завета, более того, основные наиболее известные контексты словоупотребления рано фразеологизированы и вошли в систему религиозной символики. Однако внимательное изучение тех же контекстов с привлечением некоторых дополнительных, оставшихся, так сказать, в тени, а также греческих и некоторых прочих семантических эквивалентов в духе типологии реалий и значений позволяет выйти из этого замкнутого круга и провести правдоподобную реконструкцию первоначального значения с одновременной этимологизацией слова.

Но сначала — о существующих в литературе этимологических объяснениях. В свое время Г. Петерссон предложил для объяснения происхождения ст.-слав. *χΛΑΒΑ catarrhacta*, *fores* этимологическую альтернативу: 1) с первоначальным значением 'отверстие, жерло' — к ц.-слав. *скабичи са* 'открывать рот, скалиться' < праслав. **skolb-*, ср. норв. диал. *skolp* 'выдолбленная, полая

³ RJA XI, стр. 633, 634. — Ср. еще J. S c h ü t z. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957, стр. 72: *hleb* 'водопад; отверстие, бездна, глубина'.

чурка' < и.е. **sgelb-* 'раскалывать', причем в *хлѣба* представлена назализация; 2) с первоначальным значением 'течь, лить(ся)', родственно ср.-в.-нем. *slamp* 'кутеж, попойка', нидерл. *slempe* 'лакомая еда', англ. *slump* 'падать, шлепаться в сырость или грязь' ⁴. Строго говоря, нас не удовлетворяет ни первая, ни вторая возможность, но справедливость требует признать, что при первом предположении автор исходил из объективных семантических предпосылок. Прежде чем мы займемся доказательством этого положения с помощью новых аргументов, которые, как нам кажется, должны дать единственно приемлемую убедительную новую этимологию, укажем на то, что все последующие этимологические комментаторы слова *хлѣба* как раз развивали и поддерживали в основном вторую альтернативу, изложенную у Г. Петерсона. Так, очень близко к нему подходит уже Бернекер: *chlepb.* . . «Можно было бы вспомнить о ср.-в.-нем. *slamp* 'пьянство', н.-в.-нем. *schlampen* 'хлепать', нж.-нем. *slempe* 'помой', нидерл. *slempen* 'пировать'. Или славянское слово основывается на самостоятельном звукоподражании?» ⁵. Та же исходная идея влаги, сырости, топи заложена в этимологии А. Брюкнера, предположившего родство *хлѣба* с лит. *klampà* 'топь, болотистое место', *klimpti*, *klimpstū* 'вязнуть' ⁶. Ср., далее, этимологию В. Махека, который возводил *хлѣба* к **glēb-/*glqb-*, сюда же слав. **glqbokъ* 'глубокий' ⁷.

Для исследования особенностей ст.-слав. *хлѣба* интереснее всего обратиться к соответствующим местам в русской церковнославянской литературе разных эпох, где можно найти богатый и поучительный материал, во-первых, недостаточно отраженный и неточно истолкованный в известном словаре Срезневского, а во-вторых, позволяющий многое фактически добавить к семантической истории ст.-слав. *хлѣба*, которая оставалась бы скудной и неполной без привлечения данных русской письменности. Ниже для этой цели специально выписаны цитаты из Картотеки Словаря русского языка XI — XVII вв., Института русского языка АН СССР: гѣ бѣ ѿврѣзе *хлѣби* нбѣныи (Dominus Deus aperuit catarhactas coelestes. Кн. Енохова, 1. XIII в. (XV в.); . . . ѿ пролыса на землю дожѣ ѿ нбѣсъ ѿ *хлѣби* нбѣныа ѿврѣзошася ѿ безѣны ѿспѣщахоу воды многы зѣло (Палей Ист. XV (XII) в.); *хлѣби* небеснии — облацы дождевнии (Алф. 446, XVII в.). А гдѣ съ выпшгаго мѣста къ нижшеи дна части вода стекаетъ, аще велика

⁴ H. Petersson. Studien über slav. ch. — AfslPh XXXV, 1914, стр. 378—379.

⁵ Berneker I, стр. 388.

⁶ A. Brückner. — KZ LI, стр. 229.

⁷ V. Machek. Untersuchungen zum Problem des anlautenden ch- im Slavischen. «Slavia» XVI, 1939, стр. 199—200. — Подробную литературу см. Фасмер IV, стр. 248—249 (точка зрения автора близка к Бернекеру); см. также G. Shevelov. A prehistory of Slavic, Heidelberg, 1964, стр. 135.

будетъ низкость, глаголется то мѣсто *хляби* или врата водяныя, гдѣ со стремленіемъ и быстрою рѣка въ низъ рѣется (Геог. Ген. 212).

Центральный вопросъ настоящего исследования — что такое *хляби*? Вопросъ этотъ актуаленъ не только въ этимологическомъ плане, но и въ реально-семантическомъ (какая реалья имела въ виду?), съ послѣдняго мы и начнемъ. Имя *хлябъ*, *хляби* употребляется въ церковнославянскихъ текстахъ глаголомъ *отъврѣсти* / *отъврѣсти* 'открыть, отворить', ср. еще выражения *отъврѣсти раку*, *двери*, *оуста* = 'открыть гробъ, двери, ротъ (т. е. нечто первоначально закрытое, замкнутое)'. Въ переводныхъ текстахъ словомъ *хлябъ* передавалось греч. *καταρράκτης* (соответствующее место въ латинской библіи просто содержитъ заимствованное *catarrhacta* и не помогаетъ разъясненію вопроса). Греческое слово имело значенія 'водопадъ' и 'опускная дверь или решетка', 'опускная или подъемная дверь', ср. еще *καταρράκτη θύρα* 'опускная или подъемная дверь'. Сразу отметимъ, что оба значенія греческаго слова гораздо ближе другъ къ другу, чемъ кажутся, если представить себѣ, что въ основу понятія водопада могъ лечь такой признакъ какъ 'преграда', общий и для понятія 'дверь, решетка' (этимологической связи съ *καταράσσω* 'низвергать' здесь не касаемся). Весьма вероятно, далее, что значеніе имени рано фразеологизировалось и абстрагировалось уже въ самомъ греческомъ, откуда объясняется въ общемъ смутное представленіе о реальномъ семантическомъ содержаніи выраженія *οἱ καταρράχται τοῦ ὄβραου*. Темъ не менее, этой естественной тенденціи забвенія древняго конкретнаго смысла, съ другой стороны, противостояла своеобразная (весьма смутная) традиція сохраненія какихъ-то реликтовъ этого значенія. Во всякомъ случаѣ первое явленіе мы наблюдаемъ въ словаре Срезневскаго, гдѣ *хляби* ἵβσνυα *οἱ καταρράχται τοῦ ὄβραου* толкуется какъ 'потокъ' (см. выше), а второе живетъ въ переводческой традиціи на разныхъ языкахъ и какимъ-то образомъ дожило до нашихъ дней. Ср. русский перевод Библіи синодальнаго изданія 1912 г., гдѣ соответствующее место книги Бытія (VII, 11) звучитъ слѣдующимъ образомъ: . . . въ сей день разверзлись все источники бездны, и окна небесныя отворились (описание потопа).

Любопытно въ связи съ этимъ отметить, что например, въ польскихъ переводахъ библіи соответствующіе места передаются съ послѣдовательной конкретностью и при этомъ — весьма отлично отъ русскихъ переводовъ. Такъ, то, что въ русско-церковнославянскихъ переводахъ передано съ помощью слова *хляби* (а у Срезневскаго, далее, получило толкованіе 'водопадъ, стремнина' и даже 'потокъ!'), переводилось по-польски словомъ *upusty*, мн. ч. отъ *upust* 'стокъ', 'шлюзъ', 'плотина'. Бытіе VII, 11: *przerwały się źródła przepaści, i upusty niebieskie otworzone są*. Wuj⁸. Псаломъ XLI, 8: (греч.) εἰς φωνὴν τῶν καταρράχτων; (ц.-слав.) бездныа безднѹ при-

⁸ Варшавскій словарь VII, стр. 341.

зываетъ и въ гла^а хл^аб^и и твоихъ...; (русск. Библия синод. изд. 1912 г.) бездна бездну призываетъ голосомъ водопада въ твоихъ; (сербохорв. псалтырь XVIII в.) *bezдно bezdna priziva u glasu hlebi h tvojih* (см. выше); (польск. стар.) *przeraśc przeraści tzuwa w huczeniu przedchlin (a bo urust ó w) Twoich. Biblia Leopoldy*⁹. Леопольтъ даетъ, какъ видимъ, даже два варианта перевода, не оставляя у насъ никакихъ сомнений въ томъ, что здѣсь речь идетъ о пропускныхъ отверстияхъ или стокахъ, а не о водопадахъ и стремнинахъ, ср. и отмеченные въ словаряхъ значения стар. сербохорв. *hleb, hlep* 'плотина, запруда, шлюз', о чемъ какъ-то забываютъ. Предпримемъ несколько дополнительныхъ уточнений. Выше приведенъ примеръ изъ Палеи, почерпнутый изъ Картотеки Словаря русскаго языка XI—XVII вв., представляющий, въ нашихъ глазахъ, большой интересъ нагляднымъ различиемъ значений и функций словъ *хл^аб^и, бездна, вода* въ пределахъ одной и той же фразы: ... и хл^аб^и нб^ны^а ѿвр^зошася ѿ без^ны ѿсб^щахоу воды многы зб^ло. Другой, взятый нами на выборъ, примеръ относится къ сравнительно позднему времени на рубеже XVII—XVIII вв. (изъ «Географіи генеральной» 1718 г.), но позднее время фиксации съ лихвой возмещается здѣсь самобытными моментами лексико-семантической характеристики и той редкой свободой отъ библейскаго фразеологическаго штампа, которая выдвигаетъ этотъ примеръ на одно изъ первыхъ местъ по важности среди нашихъ аргументовъ: ... глаголется то мѣсто хл^яб^и или врата водяныя... (полностью цитата приведена выше). Комбинація показаній всехъ этихъ контекстовъ неумолимо ведетъ къ заключенію, что *хл^аб^ь* первоначально обозначало затворъ, (регулируемый) стокъ. Такого рода простейшіе затворы для воды съ древности известны въ ирригационныхъ сооруженияхъ, распространены они и при водяныхъ мельницахъ, и последнее, навѣрное, ближе подходит къ условиямъ жизни древнихъ славянъ. Видимо, изъ этой производственной сферы позаимствована была лексика, а съ нею и символика для передачи лексики и символика библейскихъ текстовъ. «Водяной спускъ, — читаемъ у Даля (IV, 301), — труба или желобъ, спускающій воду на мельничное колесо». Русск. *спускъ* очень близко къ польск. *upust* 'стокъ; шлюзъ; плотина' (см. выше), ср. въ польскомъ переводѣ библии: ... i upusty niebieskie otworzone są. По-русски мы сказали бы: открылись спускъ и небесныя. Следовательно, принятый церковью современный русскій переводъ (... и окна небесныя отворились; см. выше) очень приближителенъ, какъ, впрочемъ, и русскій переводъ словъ псалма ХLI, 8: бездна бездну призываетъ голосомъ водопада въ твоихъ. Характеръ и качество перевода свидѣтельствуетъ намъ о забвении того факта (языка, культуры и истории), что хл^яб^и — это врата водяныя, а не природныя водопады и ужъ темъ болѣе не «просторъ,

⁹ Варшавскій словарь VII, стр. 341.

пустота, глубь, глубина; пропасть, бездна, с понятием о подвижности жидкой среды, в коей она заключена. . .»

После того как «простор» неуловимого значения слова *хлябь* удалось путем семантической реконструкции заменить конкретным (водяной) затвор, запираемый спуск, можно попытаться ограничить и простор для этимологических решений, и бо толькo критерии, ограничивающие выбор этимологии, обеспечивают ей наибольшее вероятие. Связь с водой здесь не изначальна, ср. хотя бы любопытное «сухопутное» употребление корня *хляб-* в русск. диал. *перехлябина* 'перехват (преимущественно на носу)': *нос с перехлябиной*¹⁰, где явственно проступает, так сказать, семантический момент 'запор'. Господствующая этимология слав. **xľьbь*, основанная на идее сырости и влаги (см. выше), должна быть оставлена по семантическим причинам. Но она не удовлетворяет нас и по фонетическим причинам, так как не может сколько-нибудь убедительно объяснить наличие славянского *x-*: для происхождения *x- < s-* здесь как будто не было фонетических условий (требуется предшествование *i, u, r, k*), для перехода *x- < k-* отсутствовали условия семантико-стилистические, так как такой переход sporadически осуществлялся в экспрессивной лексике (*хлопотать < *klopotati*), а **xľьbь, хлябь* не было экспрессивной лексемой. Остается такой источник для слав. *x-* как *sk-* (через стадию *ks- > x-*, как известно)¹¹.

Подобно тому как слав. **xľьdnqti* 'лишиться сил' признано родственным лит. *skľęsti, sklendžiù* 'скользнуть в сторону', а слав. **xľqđь* 'прут, жердь' — лит. *sklaĩdas* 'жердь, кол в заборе', точно так же слав. **xľьbь* 'затвор, запор' через стадию **skľemb-* родственно лит. *skľėmbti, skľembstù, skľembaiù* 'соскользнуть в сторону'. Этимологически тождественное лит. *skľėmbti, skľembù, skľembiaù* 'срезать наискось, заострять', 'стесывать'¹² представляет собой семантическое развитие более древнего значения, представленного в *skľėmbti, skľembstù* 'соскользнуть'. Обратим внимание на то, что и в другом вышеупомянутом литовском глаголе — *skľęsti, sklendžiù* представлено значение 'скользнуть в сторону' (непереходное); этот же глагол в переходном употреблении имеет значение 'задвигать (засов, задвижку)', 'запирать (дверь)'. Здесь, в синхронном употреблении, как бы уже дана схема семантической эволюции, потому что значение 'запирать, задвигать (засов)' явно развилось из значения 'скользнуть', ср. параллельные в какой-то мере русск.

¹⁰ И. Смирнов. Кашинский словарь. — Сб. ОРЯС LXX, № 5, стр. 128.

¹¹ Об источниках слав. *x-* писалось много, ср., например, в недавнее время: В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального *x-* в праславянском. — ВЯ 1961, № 4, стр. 94. — Кажется, нет серьезных оснований возводить слав. *x-* к и.-е. *x-*, как делают отдельные ученые, см. W. M e r l i n g e n. Idg. x. «Die Sprache». IV, 1958.

¹² M. N i e d e r m a n n, A. S e n n, F. B r e n d e r, A. S a l y s. Wörterbuch litauischer Schriftsprache, III. Heidelberg, 1957, стр. 698.

совать: засов. Лит. *skleĩbti* родственно этимологически лит. *sklęsti*, *sklendžiũ*¹³ и представляет собой, собственно говоря, вариант основы, расширенный другим суффиксом-детерминативом (**sklen-b-*: **sklen-d-*). Примерно такие же суффиксальные вариации наблюдаем в слав. **xlębь*: **xlęd-* / **xlędъ* (значения см. выше), которые восходят к старшим **sklen-b-* : **sklen-d-*. Конечно, в славянском наблюдаются свои отличия, например, обнаруживаются следы значения 'запор', которое, насколько мне известно, не развилось в балтийском, зато в балтийском представлен глагол с подходящим отправным значением, не обнаруживаемый сколько-нибудь убедительно в славянском материале. В этом примере славянский и балтийский взаимно проясняют состояние и стадии эволюции своих форм, но для нас очевидно, что эти стадии различны, а эволюция в обеих группах самобытна.

Слав. * *bergt'i* ~ лит. *geĩbti* *

Славянское слово, представленное в заглавии этой заметки праславянской формой **bergt'i*, широко распространено только в восточнославянских языках. Сюда относятся др.-русск. *берегъ*, *беречи* 'беречь'¹⁴, русск. *беречь* 'охранять; сохранять, предохранять', диал. *беречь* 'угощать, ухаживать'¹⁵, ст.-укр. *берегти*¹⁶, укр. *берегти* 'беречь, хранить'¹⁷, блр. *берагчы* 'беречь'. Из других славянских языков можно назвать только цслав. *brъшти*, *brъгъ* *мѣлєи* *сигае* *esse*¹⁸ и сербохорв. стар. (XIII—XVII вв.) *brijęci* 'беречь, хранить, соблюдать'¹⁹.

Праславянский глагол **bergt'i*, **bergt'i* с его характерным для индоевропейских глагольных основ *-e-* вокализмом носит характер древнего образования, на что в свое время обратил внимание А. Мейе²⁰. Лексическое глагольно-именное гнездо **berg-* / **borgъ* / **brg-* сохраняет очевидные следы также в тех славянских языках, которые, например, утратили глагол **bergt'i*, но обнаруживают производное от глагола имя с классическим гласным *-o-* в корне (**borgъ*), как например в западнославянских языках, где это имя обозначает 'кладь сена'. Продемонстрированное богатство корневой апофонии может говорить только об исконнославянском происхождении глагола **bergt'i*, который считается, далее, род-

¹³ F g a e n k e l II, стр. 810.

* Краткая версия излагаемой ниже этимологии уже опубликована в составе «Этимологического словаря славянских языков» (вып. 1. М., 1974, стр. 189—190).

¹⁴ С р е з н е в с к и й I, стлб. 69.

¹⁵ Говоры Прибалтики, стр. 28.

¹⁶ Т и м ч е н к о I, стр. 83.

¹⁷ Г р и н ч е н к о I, стр. 51.

¹⁸ M i k l o s i c h LP s. v.

¹⁹ R J A I, стр. 64.

²⁰ A. M e i l l e t. — MSL 14, 1907, стр. 384; А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 174.

ственным германскому глаголу с близким значением: гот. *bairgan*, др.-в.-нем. *bërgan*. Таков главный итог этимологической славистики и индоевропеистики²¹. Более углубленные поиски истоков самого глагола в индоевропейском, попытки осмыслить его как некое производное от имени и.-е. **bherǵh-* 'гора, убежище'²² мы здесь оставляем в стороне как не имеющие прямого отношения к нашей теме. Если верить современной этимологической литературе, балтийские соответствия славянскому в данном случае на редкость скудны: указывают только на родство с лит. *birginti* 'берець, скупиться'²³. Но уже характер литовского глагола и его огласовки свидетельствует красноречиво о том, что перед нами — реликт развитых апофонических отношений (ступень редукции) и что для какого-то более раннего времени можно предполагать наличие апофонического ряда. Трансформируя славянские отношения в балтийское состояние, мы получим **berg-/*barg-*. Но глагол **bergti* неизвестен, например, в литовском, нет там и имени типа **bargas*, **barga* или **bargë*. Что произошло в языке? Были ли вообще когда-нибудь такие образования в балтийском? О том, что они на самом деле существовали, говорит нам не только апофонический реликт лит. *birginti*. Еще более убедительно говорит о том же забытое как славистами, так и балтистами блестящее этимологическое сближение, выдвинутое добрых сто двадцать лет тому назад С. Микуцким²⁴: русск. *берегу*, *берець* и лит. *geřbti* 'читать, почитать, уважать, ценить'. Сразу становится ясным, что упомянутая глагольно-именная основа в балтийском претерпела в своих основных апофонических формах метатезу, т. е. лит. *geřbti* < **bergti*, ср. и дальнейшее, акцентуационное соответствие славянского и балтийского циркумфлекса: русск. *берегý*, *берéць*, сербохорв. *brijèci* и лит. *geřbti*. Точно так же лит. *garbë* 'честь' — метатеза первоначального **bargë* с вокализмом -o-; сюда примыкает глагол с вторичным, именным вокализмом — лтш. *gārbēt* 'хорошо обращаться, беречь', *gārbīt* 'беречь, щадить' из **bargīt*, **bargēt*. Тождество значений славянских и балтийских слов при этом не требует доказательств, но их словообразовательно-морфологическая эволюция, как видим, глубоко оригинальна. Существующие этимологии литовских и латышских слов²⁵ нас не убеждают.

²¹ Miklosich, стр. 10; Berneker I, стр. 49; Trautmann BSW, стр. 31; Фасмер I, стр. 153; Sadnik-Aitzetmüller. Lief. 4, стр. 271.

²² Rokoigny I, стр. 141.

²³ Fraenkel I, стр. 44.

²⁴ С. Микуцкий. — Изв. ОРЯС, т. IV, СПб., 1855, стр. 409.

²⁵ Fraenkel I, стр. 147: *geřbti* относит ряд ученых к лит. *girti* 'хвалить, прославлять'; сам автор говорит о родстве лит. *geřbti* 'читать' с лтш. *g'ērbit* 'ухаживать, украшать, наряжать', далее — с др.-прусс. *girbin* 'число', ст.-слав. жрѣбии, причем развитие значений якобы шло от 'зарубка', 'число' через 'считать' к 'читать'. Но давно указано на заимствование лтш. *g'ērbit* из нем. *gerben* 'готовить, наряжать', 'дубить' (Кипарский у Френкеля), а др.-прусс. *girbin* и ст.-слав. жрѣбии также не имеют сюда отношения.

Лит. *petrėlė* 'божья коровка' —
словообразовательно-семантическая калька

блр. *пэтрык* / *пятрок* / *пятрук* / *пятрुць* 'божья коровка'

Необычайно богатое словообразовательными вариантами название божьей коровки в белорусских говорах — *пэтрык*, *пятрок*, *пятрук*, *пятруць* и т. д. — несет на себе печать вторичного осмысления в связи с именами людей и святых, ср. такую крайнюю стадию как *петра-паўла* в значении 'божья коровка'²⁶. Эти формы никак нельзя отрывать от блр. *бедрык* и *бедарка* в значении 'божья коровка', далее — от близких форм других славянских языков — укр. *бедрак*, *бédрик*²⁷, польск. *biedronka*, *biedrzonka* 'божья коровка'²⁸, чеш. *bedruška* 'божья коровка', дгал. *bedrunka* то же²⁹, словц. *bedrunka*³⁰.

Это древнее славянское название насекомого, в этимологию которого, подробно анализируемую нами в «Этимологическом словаре славянских языков» (вып. 1, s. v.), мы здесь не будем вдаваться. В данном случае нас интересует природа связи преобразованных упомянутым образом блр. *пэтрык* и др. (выше) и лит. *petrėlė* 'божья коровка'. На связь этих слов указал уже Махек, но похоже, что он трактовал их отношения в духе обычных для него корреляций по звонкости / глухости, в остальном считая неясным всю группу³¹. Между тем литовское слово (кстати, пропущенное в словаре Френкеля), в сущности прозрачно по структуре и калькирует белорусское название, повторяя его внутреннюю форму, модель: 'маленький Петр'.

²⁶ Л. Ф. Ш а т л а в а. Назва «божай кароўкі» (*Coccinella septempunctata*) у беларускіх гаворках. «З жыцця роднага слова». Мінск, 1968, стр. 166 и след.

²⁷ Г р и н ч е н к о I, стр. 36, 37.

²⁸ Варшавский словарь I, стр. 148.

²⁹ B a r t o š, стр. 14.

³⁰ K á l a l, стр. 20, 909.

³¹ M a s h e k², стр. 50.